

ше и достойнее будут действия. На мой взгляд, именно этика христианства содержит в себе все основания, необходимые для совершенствования человека в области морали, причём, как в сфере должного, так и в сфере сущего.

Можно сказать, что в современной ситуации девальвации нравственных ценностей этика должна искать основания в мире не имманентного, а трансцендентного бытия. Так как, только в ситуации выхода за пределы своего бытия, возможно вернуть нравственным ценностям их непреходящее значение. И наилучшим образом решить эту задачу удаётся в рамках этики христианства. Так как принципы христианской этики наилучшим образом дополняют и совершенствуют представления о морали, выработанные на протяжении веков в истории этики. Конечно же, речь идёт не обо всех возможных подходах к пониманию морали. Этика христианства концентрирует в себе самые лучшие традиции этической теории, которые утверждают те самые, утерянные сегодня «вечные ценности». Ведь именно они способны помочь человеку осознать себя реализовавшейся личностью, которая может продемонстрировать свою свободу от условий и обстоятельств этого мира, личностью, способной ценить и любить жизнь, как свою, так и любого другого, а также придать смысл и содержательную наполненность своей жизни.

Литература

1. Игумен Евмений. Духовность как ответственность / Евмений. – Свет Православия. Христианский собеседник. Издание Макариев-Решемской Обители, 2000.
2. И. А. Ильин, А.И. Основы христианской культуры / И. А. Ильин. – Мюнхен: Издание Братства Преп. Иова Почаевского, 1990.
3. Прот. Свешников, В. Очерки христианской этики / В. Свешников. – Паломникъ, 2000.
4. Рормозер, Г. Кризис либерализма / Г. Рормозер. - М., 1996.
5. Франкл, В. Психотерапия и экзистенциализм / В.Франкл//Волякъсмыслу/В.Франкл–М.,2000.

УДК 1:001:17

К ВОПРОСУ О МОРАЛЬНОЙ ВМЕНЯЕМОСТИ НАУКИ

Л.Л. Мельникова

УО «Гродненский государственный аграрный университет»

г. Гродно, Республика Беларусь

В данной статье современная наука рассматривается в аксиологическом пространстве, анализируется проблема моральной ответственности науки за негативные последствия использования ее достижений. Исследуются возможности и границы этой ответственности.

This article deals with considering modern science in axiological space. The problem

of moral responsibility of science for negative consequences of its achievements using is analyzed in this article. The potentials and limits of this responsibility are researched too.

Негативная оценка науки и подозрительное отношение к ней стали сегодня уже привычными. Такая ситуация возникла в результате как критического отношения науки к самой себе, так и вследствие философской рефлексии над ее сущностью, спецификой и результатами практического использования научных достижений. Благодаря средствам массовой информации негативизм по отношению к науке вышел за пределы круга специалистов-экспертов и стал достоянием массового сознания. Однако и сам обыватель в повседневной жизни все чаще стал сталкиваться с разрушительными последствиями практического использования научных открытий. Можно обоснованно утверждать, что сегодня наука переживает кризис доверия к ней. По отношению к науке общество демонстрирует *презумпцию моральной вменяемости*, которая заключается в праве каждого на моральную оценку всего без исключения. А в какой мере наука, действительно, морально вменяема, т.е. должна и способна нести ответственность за свои достижения и их практическое использование?

Наука вырастает из специфики самого человеческого бытия. Человек не может существовать, не преобразуя окружающий его мир. Это дает ему возможность расширить достаточно узкие границы своих биологических возможностей, отчасти компенсировать свою «биологическую незавершенность». А для этого нужна информация. Способность получать адекватную информацию о мире, преобразовывать ее в соответствии со своими целями открывает человеку горизонт новых возможностей по созданию сферы искусственного через изменение естественного. Такая способность находит свое полное воплощение в науке.

Как форма теоретического осмысления реальности наука позволяет проникнуть в сущность исследуемых объектов, установить наличие закономерных связей и тем самым приблизиться к реализации эпистемологической *метацели* – к постижению фундаментальных принципов мироздания. Наука возникает на определенном этапе развития человеческого общества в рамках определенной – западной – цивилизации. Она является данностью, отменить которую уже невозможно. И чтобы жить с этой данностью, которая в качестве составляющей вошла в бытие самого человека, необходимо ответить на следующие вопросы: «Каковы ценностные ориентиры современной науки? Какое место в системе ее ценностных координат занимает человек?». Поскольку наука – развивающееся явление, поиск ответов на поставленные вопросы предполагает анализ ее исторической динамики.

На классическом этапе своего развития наука рассматривалась, прежде всего, как система знаний, полученная на основе жесткой эпистемологической нормативности и организованная по определенным строгим правилам. В силу того, что наука воспринималась преимущественно как форма когнитивного отношения человека к миру, складывалось впечатление, что контур ее оценки должен ограничиваться бинарной оппозицией «истина-заблуждение» без привлечения этических категорий, а сама наука должна быть нейтральной по отношению к нравственным, идеологическим, социальным и иным ценностям. Однако признание науки в качестве когнитивной ценности имплицитно содержало в себе отождествление истинности и нравственности. В контексте такого отождествления стремление к истинному знанию приобретало оценку нравственного поведения, а намеренное искажение истины приравнивалось к безнравственности. Таким образом, моральная вменяемость присутствовала в пространстве науки уже на классическом этапе ее развития, но она была адресована конкретным ученым, ограничивалась уровнем межличностного общения. Моральные нормы в качестве составляющей были включены в систему внутринаучных идеалов и норм.

Признание в Новое время науки в качестве высшей социальной и культурной ценности, а затем и позитивистские идеи о том, что только наука способна решить все проблемы человечества, породили миф о науке и ее мессианской роли. В процессе мифологизации реальный образ науки был заменен ее утопическим проектом. В рамках последнего науке а priori приписывались характеристики, функции и возможности, которыми она по самой своей сущности не могла обладать. Такой утопический проект потенциально содержал в себе моральную вменяемость науки, поскольку за негативные последствия использования научных достижений и нерешенные проблемы ей предстояло отвечать перед обществом. И действительно, в XX веке такие обвинения и претензии ей были предъявлены. Однако моральная вменяемость, фактически, оказалась адресованной не столько самой науке, сколько ее мифологическому образу.

О моральной вменяемости есть смысл говорить только при наличии факта свободы выбора, т.е. проблема моральной вменяемости всегда рассматривается и решается в рамках оппозиции «свобода-ответственность». В какой мере современная наука располагает свободой, чтобы делать выбор и нести ответственность? На постнеклассическом этапе своего развития наука начинает выполнять функцию социальной силы общества. Она проникает во все сферы общественной жизни, включая мир повседневности человека, определяет направле-

ния развития этих сфер. Практические воплощения научных идей становятся участниками (нередко незримыми) социальной коммуникации любого типа и уровня, становятся посредниками между производителем и потребителем, государством и личностью, между средствами массовой информации и аудиторией и т.д.

Под влиянием ряда факторов современная наука становится специфическим *социальным субъектом*. В силу сложности и масштабности задач, которые приходится решать науке на постнеклассическом этапе своего развития, она становится пространством, где реализуется не только и не столько индивидуальное научное творчество, сколько творчество коллективное. Ученый в значительной степени теряет статус подлинного субъекта научной деятельности, становясь лишь составной частью этого субъекта (составной частью научной школы, научного сообщества, науки как социального института и т.д.).

Становлению науки в качестве социального субъекта во многом способствовала ее интенсивная *институционализация*. В качестве социального института, обеспечивающего коммуникацию с социумом, наука не могла ограничиться научным дискурсом, она вынуждена была впустить в свое пространство иные дискурсы: экономический, политический, идеологический, дискурс технической рациональности и др. Как социальный институт наука начала быстро сращиваться с экономическими, государственными и другими структурами. Втягивание науки в систему рыночных отношений, коммерциализация научной деятельности привели к возникновению глубинного противоречия между сущностью науки как теоретического вида деятельности и конкретно исторической формой ее существования. Указывая на этот факт, французские философы Ж. Делёз и Ф. Гваттари подчеркивают, что развитие науки в современном обществе определяется не столько ее сущностью и внутренней логикой, сколько «большой общественной аксиоматикой» (нормами, правилами, принципами, ценностями, которые доминируют в социуме – М.Л.), «которая оставляет из науки то, что должно быть оставлено в связи с потребностями рынка и зон научных инноваций, ...которая не довольствуется ограничением ученых пределами «рассудка», но и предупреждает всякое отклонение с их стороны, навязывает им цели и делает из науки и ученых инстанцию, полностью подчиненную формации суверенности...» [2, с. 584]. Анализ науки как социального института, деятельность которого детерминирована целым рядом социальных, экономических, политических, идеологических и т.д. факторов, дает основания для вывода, что наука является социальной силой только потому, что общество позволяет ей это делать, очень часто заставляя ее «играть» на чужой территории и

по чуждым ей правилам. Роль мессии, закрепившаяся за наукой на классическом этапе ее развития, ей не удалась: не наука сегодня определяет развитие общества, а общество определяет развитие науки. От науки оказалось *отчужденным* то, что ей когда-то реально принадлежало – функция контроля над своей собственной деятельностью. Сведя такую функцию к минимуму, общество тем самым ограничило моральную вменяемость науки.

Отчуждение науки проявляется не только в утрате ею функции контроля над собственным развитием, но и в ее отчуждении от общества, что хорошо просматривается в феномене технонауки. В рамках технонауки наука и техника объединены посредством государственных или производственных заказов, а основным товаром становятся не знания, а технологии. В границах такого симбиоза наука нередко приобретает интересы и цели, в значительной степени отличные от интересов и целей основной части населения, а нередко отступает и от внутренней логики своей собственной динамики.

На постнеклассическом этапе развития науки вырисовывается новый вектор ее движения – от преобразования окружающей человека природы к преобразованию природы самого человека. Нарастает утилитарная, «технологическая ориентированность» не только естественнонаучного, но и социально-гуманитарного знания, т.е. активно ведется создание социально-гуманитарных технологий. Последние представляют собой совокупность приемов и способов деятельности, использующих социально-гуманитарные знания с целью конструирования как определенных личностных качеств (физических или психических), так и желаемых социальных процессов. Вмешательство науки посредством разработанных технологий в природу самого человека порождает необходимость введения морального измерения в мотивацию научной деятельности, поскольку моральные порядки, несмотря на свою хрупкость, защищают «под одной своей крышей *оба начала*: природу (*Physis*) от телесных, а личность – от внутренних или символических повреждений». [5, с. 45]. Сегодня среди научных проектов встречаются проекты не только генетического дизайнера, но и проекты программирования потребностей и удовольствий человека с целью решения ряда социальных проблем. При этом подчеркивается, что «вопреки распространенному мнению, это не приведет к деградации общества, а напротив, увеличит его стремление к развитию» [1, с. 36]. В научных проектах подобного рода обнаруживается отчуждение науки от человека и отчуждение человека от своих подлинных потребностей, в том числе и от таких экзистенциальных потребностей, как свобода и ответственность. Таким образом, в горизонте современной тех-

нонауки человек и личность не рассматриваются в качестве абсолютных ценностей, а выступают в роли объектов приложения инновационных технологий, экономической эффективности, психологической манипуляции и т.д. Это указывает на следующее противоречие: развитие науки и, прежде всего, практическое использование ее достижений обуславливает возрастание ответственности, но границы *моральной* свободы, предоставляемые науке обществом, при этом сужаются.

Моральная вменяемость предполагает осознание субъектом своих действий, их оценку и необходимость самоограничения. Осознает ли наука последствия своей деятельности? В определенной мере да, о чем свидетельствует феномен самокритики науки, в процессе которой и обнаруживаются негативные последствия использования научных достижений. Однако констатация *post factum* сродни ситуации, когда мы удостоверились, что дом сгорел, но вернуть его в прежнее состояние уже невозможно. В связи с этим возникает необходимость в прогнозировании последствий практического воплощения научных достижений.

Любой научный прогноз носит вероятностный характер, что обусловлено наличием пределов познавательных возможностей человека на каждом этапе его исторического бытия, а также уровнем развития самой науки. Заменяя реальные объекты теоретическими конструктами и схемами, наука не способна просчитать абсолютно все векторы возможного «поведения» и развития объекта, поэтому наука внутри себя потенциально содержит риски для общества.

Прогнозирование последствий оказывается затрудненным вследствие дифференциации науки и специализации научной деятельности. В условиях специализации формируется *особый тип личности ученого*, исчерпывающую характеристику которого дал Х. Ортега-и-Гассет. «Это человек, – писал он, – который из всей совокупности знаний необходимых, чтобы подняться чуть выше среднего, знает одну единственную дисциплину, и даже в этих пределах – лишь ту малую долю, в которой подвизается. И даже кичится своей неосведомленностью во всем, что за пределами той узкой полоски, которую он возделывает, а тягу к совокупному знанию именует дилетантизмом» [4, с. 104]. Такая «диковинная каста» ученых оторвана от ценностного контекста культуры, что затрудняет включение моральной составляющей в систему мотивации ее деятельности.

Процедура морального оценивания предполагает различение с позиций добра и зла и установление определенных норм, в соответствии с которыми это различение было бы осуществимо. Однако современное общество делает границы нравственности слишком гибкими,

вследствие чего зло становится прозрачным и, по существу, неуловимым. Характеризуя состояние нормативности в современном обществе, Ю. Хабермас отмечает, что «вместе с новациями технического развития почти всегда возникает потребность в новой регламентации. Но до сегодняшнего дня нормативные регламентации просто приспособлялись к общественным трансформациям» [5, с. 35]. В связи с этим необходимы *новые концептуальные принципы установления* норм организации научной деятельности, отличные от тех, которые доминируют сегодня. Они должны выстраиваться из будущего, а не только из настоящего. В такой ситуации потребность в социальной и гуманитарной экспертизе не вызывает сомнения. Контроль над практическим использованием научных достижений должен осуществляться обществом и включать в себя контроль над деятельностью государства в области науки, поскольку эта деятельность часто оказывается альтернативной интересам и ценностям общества и личности. Самой наукой должна быть интериоризирована моральная необходимость. А это значит, что должны быть *изменены основания науки*. Существует ряд проектов таких изменений. Например, А.Н. Уайтхед предлагает дополнить эпистемологическую нормативность нормативностью онтологической, в которой бытие и благо образуют единство. Л. Лаудан считает, что вместо иерархической модели обоснования научного знания следует использовать *сетевую*, в которой «аксиология, методология и фактуальные утверждения с неизбежностью переплетаются в отношениях взаимной зависимости» [3, с. 511]. По мнению В.С. Степина, в самую научную рациональность в качестве составляющей должны входить социальные идеалы и ценности.

В заключение можно сделать некоторые выводы. Вопрос о моральной вменяемости науки можно считать неправомерным только в том случае, если рассматривать ее как *внесубъектный, внекоммуникативный* феномен, изолированный от конкретного социально-культурного и исторического контекста.

Наука всегда бытийствует в определенных социальных и культурных условиях, которые определяют границы ее моральной ответственности. Однако современная наука сама принимает активное участие в формировании этих условий, в определении перспектив развития человечества и личности. И тем самым она значительно повышает степень своей моральной вменяемости.

При рассмотрении проблемы взаимосвязи науки и этики следует учитывать, что моральные обвинения в адрес современной науки очень часто адресованы не ей самой, а тому мифологическому образу, который сформировался еще на классическом этапе ее развития.

Наука как способ познания, ориентированный на преобразование природы, общества и самого человека, является сложным, внутренне противоречивым феноменом, что неизбежно порождает ее диаметрально противоположные моральные оценки.

Литература

1. Аргонов, В.Ю. Искусственное программирование потребностей человека: путь к деградации или новый стимул развития / В. Ю. Аргонов // Вопросы философии. – 2008. – № 12. – С. 22-37.
2. Делёз, Ж., Гваттари, Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения / Ж. Делёз, Ф. Гваттари; пер. с франц. и послесл. Д. Кралечкина; науч. ред. В. Кузнецов. – Екатеринбург: У-Фактория, 2007. – 672 с.
3. Лаудан, Л. Наука и ценности // Философия науки: Общие проблемы познания. Методология естественных и гуманитарных наук : хрестоматия / отв. ред.-сост. Л.А. Микешина. – М.: Прогресс-Традиция, 2005. – С. 504-511.
4. Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс: Сб. / Х. Ортега-и-Гассет; пер. с исп. – М., 2002. – С. 15-182.
5. Хабермас, Ю. Будущее человеческой природы / Ю. Хабермас; пер. с нем. – М., 2002. – 144 с.

УДК 29

НОВАЯ РЕЛИГИОЗНОСТЬ: ДВИЖЕНИЕ К КУЛЬТУРНО-РЕЛИГИОЗНОМУ ТРАНСИНКРЕТИЗМУ

Л.М. Можейко

УО «Гродненский государственный университет им. Янки Купалы»
г. Гродно, Республика Беларусь

Статья посвящена проблеме определения культурной значимости новой религиозности. Прослеживается эволюция в исследованиях западных учёных, соотносящих новые религиозные движения с модернистскими и постмодернистскими тенденциями в обществе.

The article is devoted to the problems of determining of cultural significance new religiousness. Is tracked evolution in researches of west scientists relating new religious movements with modernists and post-modernists tendencies in societies.

К концу XX в. неотъемлемым феноменом духовной жизни современного общества стали новые религиозные движения (НРД). В связи с этим перед исследователями закономерно возникает вопрос: рост НРД говорит о характере изменения и роли религии в нашем обществе или изменении в характере культуры в целом? Американские учёные практически с самого начала исследования феномена новой религиозности, выявляя причины возникновения данного явления, соотносили его с модернистскими, анти-модернистскими либо постмодернистскими тенденциями в обществе. В итоге сформировалось несколько точек зрения по данному вопросу. В 1980-х гг. наиболее влия-